

* * *

Ко мне приходит по утрам старик.
Он в кресло невысокое садится
И говорит.
И бледные зарницы
При каждом слове вспыхивают вмиг.

Он много видел на своем веку.
Ходил в бесславье, как сейчас во славе,
Но даже горький голод не заставил
Менять на деньги честную строку.

И все ж ему, как видно, повезло,
Когда познал он трудные утраты,
Поскольку требует жестокой платы
Святейшее его ремесло.

Он вспоминает жизнь свою, друзей,
А голос то улыбчивый, то жесткий,
И вот Васильев, Смеляков, Твардовский⁷
Как бы живые в комнате моей.

Звенят стихи,
Мелькают имена,
Встает в необозримой перспективе
Без приукрас
То в голоде, то в тифе,
То в радости строительской страна.

Какой упругой силою налит
Их юности неповторимый мускул...
Но грустная вневременная мудрость
В их голосах мальчишеских звенит.

Старик необычайно возбужден,
И я его волнением заражаюсь
И понимаю старикову старость,
Когда бывает в молодости он.

Но он желает молодость продлить.
А жизнь его друзей невозвратима,
И странно слышать,
Как неотвратимо
Трещит годов связующая нить.

Прости, старик!
Помочь бессилён я.
Законы увядания жестоки.
Но юный ствол разбудят марта соки
Неумолимостью законов бытия.

И юною листвою зазвонит
Иная песня незнакомой рощи...
А вот кому из нас грустится больше,
Пускай рассудит тот,
Кто не грустит.